

«Мягкая сила» с китайской спецификой

С начала 1990-х г. концепция «мягкой силы» постепенно вошла во внешнеполитический дискурс ведущих стран мира. На волне растущих антикитайских настроений руководство Китая приняло решение использовать потенциалы «мягкого» воздействия для улучшения имиджа страны за рубежом. Оно также приняло во внимание близость концепции «мягкой силы» с идеями древнекитайских философских учений, что, в свою очередь, повлияло на сам процесс имплементации понятия в рамках внешнеполитической доктрины страны, трансформировав зарубежную концепцию в «мягкую силу» с китайской спецификой.

Ключевые слова: «мягкая сила», конфуцианство, КНР, «китайская мечта», «китайская угроза», КПК.

В реалиях современных международных отношений «мягкая сила» превратилась в одно из самых эффективных средств по реализации внешней политики государств. В особенности это важно для тех стран, которые претендуют на лидирующие позиции на международной арене. КНР, представляя собой одного из лидеров современного многополярного мира, не является исключением из правил. Впервые данный термин был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем¹ в 1990 г., но, претерпев процесс китаизации, стал частью государственной стратегии КНР гораздо позднее.

В классических китайских текстах, таких как философские трактаты Конфуция² и Лао-цзы³, работы древнекитайского стратега Сунь-цзы⁴, встречается множество примеров «мягкого» воздействия. В КНР на волне популяризации зарубежной политической

концепции Джозефа Ная начался поиск ее смыслового и идеологического наполнения. Коммунистическая партия Китая (далее КПК), отдавая себе отчет в том, что на Западе «социалистический» строй КНР связан с представлениями о «красной угрозе» («red scare»), приняла решение использовать исторические философские учения для «мягкой» легитимации авторитарной власти КПК как внутри Китая, так и за рубежом. В данной ситуации представляется важным отметить четырнадцатую стратегию: «позаимствовать труп, чтобы вернуть душу»⁵. Эта стратегия описывает процесс использования идей прошлого для того, чтобы, придав им новое значение, применять в реалиях настоящего. Важную роль в описанном процессе сыграло конфуцианство. Представляя собой элитарную философию, конфуцианство позиционирует целое государство как огромную семью. Таким образом, культурная «мягкая сила», наполненная конфуцианскими ценностями, не только отвечает идеалам социализма, но и позволяет государству улучшить свой имидж. Многочисленные представители неоконфуцианства, такие как Дэниэл Белл⁶, Джозеф Чан⁷ и Роджерс Амс⁸, в своих работах описали процесс как ренессанс конфуцианской мысли способствует улучшению политической жизни Китая и модернизации его подходов к решению глобальных вопросов.

На самом деле китайские традиции были обновлены для того, чтобы соответствовать и отвечать задачам современных международных отношений, а концепция «мягкой силы» начала пониматься как фундаментальная часть общественных, политических и военных учений КНР с древности до наших дней. Правительство КНР активно популяризирует идеи самого раннего сторонника «мягкого» влияния – Сунь Цзы, в особенности в свете популярности и актуальности его идей в западной литературе по менеджменту. В своей работе «Искусство войны», написанной более тысячи лет назад, автор отмечает, что стратегии – ключевой элемент управления государством, даже более важный, нежели умение вести бой. Он утверждает, что необходимо проработать стратегию, запутать своего врага и в конечном итоге «одержать победу, не вступая в бой»⁹. Сунь Цзы утверждает, что военные действия важны лишь в качестве комплексного подхода к вопросу безопасности, а военные хитрости, такие как обман противника и подрывание его тылов, секретные логические приготовления и избежание поражений и потерь, представляют большую важность, чем непосредственно сам бой. Эти стратегии настолько популярны, что многие из них стали частью китайского фольклора и цитируются в литературных эпосах, например, в романе «Троецарствие»¹⁰, который внес в ки-

тайскую политическую мысль вклад, схожий с вкладом сочинения Макиавелли «Государь» в политическую мысль Запада¹¹. Стратегемы также нашли применение и в повседневной речи. Самыми распространенными являются 兵以詐立 *bing yi zha li* (бин и чжа ли – война основана на обмане) и 以柔克剛 *yiruo kegang* (и жо кэ ган – использовать мягкие средства для борьбы с жесткими)¹².

Моральное лидерство в рамках конфуцианского мышления также является частью «мягкой силы». Если недостаточно оснований для призывов к моральному единению, то есть возможность воспользоваться пропагандой. К примеру, в рамках риторики холодной войны Америка была маяком свободы и демократии, в то время как Советский Союз представлялся раем равенства и общественных благ. Эта концепция также находит отклик в китайской традиции. Конфуцианство – главная парадигма китайской системы государственного управления, которая, несмотря на свою иерархичность, идеально построена на принципах этичности. От правителя ожидают морального превосходства, принятия мудрых решений для поддержания безопасности и процветания государства. До тех пор пока правитель и его действия соответствуют критериям морали, он считается достойным «мандата неба» и всеобъемлющей поддержки своих подданных. Если же он отклоняется от моральных норм, то считается, что он более недостоин небесного покровительства и теряет право на обладание «мандатом»¹³. После потери последует неминуемая смена правления. Поэтому даже сегодня на многих уровнях институциональной жизни Китая от старших по должности ожидается уважение к интересам подчиненных, справедливое и мудрое отношение к ним. В ответ они получают преданность и трудолюбие.

Принимая во внимание длительную и богатую историю в области концептуализации власти и конфуцианское наследие, начало развития «мягкой силы» в Китае было лишь вопросом времени. Однако стоит отметить, что традиционная культура, выступающая в качестве экспортного продукта КНР и насыщающая своими ценностями официальную идеологию, делает этот продукт менее динамичным и менее интересным зарубежному потребителю. Более того, нельзя исключать авторитарную опеку властей КНР над сферой СМИ и минимальный процент распространения влияния при помощи негосударственных организаций, что вкуче препятствует эффективному наращиванию «мягкой силы» государства.

Стоит отметить, что концепция «комплексной мощи государства» (*zonghe guoli*, *цзун хэ го ли*, 综合国力), разработанная китайским научным сообществом, внесла большой вклад в развитие дис-

курса теории «мягкой силы». Данная концепция возникла в процессе адаптации теории Джозефа Ная. В работе «Теория комплексной мощи государства»¹⁴ Хуан Шофэн заявляет, что комплексная мощь состоит из «жесткой силы», «мягкой силы» и координирующей силы государства. Последняя включает в себя политические структуры, государственное руководство и возможности управления – компоненты более прагматичного использования «мягкой силы»¹⁵.

Усиление «мягкой силы» страны также необходимо для внутривластной обстановки. Ученые, отмечающие это в аспекте комплексного подхода к национальному развитию, отходят от односторонней концепции экономического развития Китая, так популярного в последнее время, и призывают обратить внимание на факт и причины развала Советского Союза. Распад СССР следовал за резким уменьшением международного влияния государства, уменьшением «мягкой силы», хотя его военная мощь на тот момент и была эквивалентна мощи США¹⁶. Поэтому китайские ученые призывали к увеличению «мягкой силы» КНР посредством институционального развития в области культуры, образования и управления. Приверженцы реформистских настроений заявляли, что «мягкая сила» должна также поддержать защиту личной собственности и способствовать упрочению верховенства закона¹⁷. Безусловно, дискурс «мягкой силы» активизировал изменения в некоторых сферах государства, более того, он также инициировал процесс обсуждения будущего внутривластного развития страны. Очевидно, что концепция комплексной мощи государства не только улучшает понимание целостности всех отдельно взятых аспектов этой мощи и подчеркивает важность каждого из них, но и ставит ряд вопросов для партийного руководства страны. Важнейшим из них представляется вопрос о возможности постепенного уменьшения контроля правительства над сферой информационных потоков. От этого зависит качество культурного продукта, который поставляется страной на мировой рынок.

Еще один аспект, заслуживающий внимания – процесс глобализации и его влияние на КНР. В настоящее время темп экономического роста Китая постепенно замедляется. Невозможно отрицать положительные аспекты высоких темпов экономического роста страны, однако слишком длительный период роста зачастую приводит к переизбытку инвестирования в сферу инфраструктуры и к образованию так называемого «мыльного пузыря». Таким образом, в данное время Китай берет курс на «мягкую посадку» своей экономики¹⁸. В свою очередь, китайское руководство заинтересовано в контроле своего населения. Для этого ему

необходимы высокие мобилизационные возможности населения и невыгоден переход от коллективизма к индивидуализму, пропагандируемому глобализацией. И хотя менталитет китайского народа, формировавшийся на протяжении очень длительного периода времени, в одночасье изменить трудно, но совсем избежать трансформации также невозможно. Перемены могут привести к изменению как образа жизни народа, так и социальной структуры общества в целом.

Желая уменьшить эффект глобализации на китайское общество и притормозить его структурные изменения, китайское руководство во главе с нынешним председателем Си Цзиньпином разработало теорию «китайской мечты»¹⁹. Стоит отметить, что по своей природе концепция «китайской мечты» – гибрид. Она вобрала в себя как черты индивидуализма в собственном стремлении поощрять индивидуальное предпринимательство, так и провозгласила коллективные идеалы «большой китайской семьи» и призвала народ Китая работать во имя достижения общей цели и единой «мечты».

Фактически «китайская мечта» направлена на идеологическое поддержание экономического роста КНР и далека от либеральных идеалов «американской мечты», а следовательно, трактовать понятия индивидуализма и среднего класса в Китае необходимо по-китайски, с китайской спецификой. КПК, в свою очередь, осознает неизбежность социальной трансформации, которую влечет за собой процесс глобализации, и, будучи не в силах помешать этому, мудро использует уступки на идеологическом фронте, но твердо остается у руля правления. Действия правительства можно описать стратегией 拋磚引玉 (pāozhuānyǐnyù, пао чжуань инь юй – «бросить кирпич, чтобы получить нефрит»)²⁰. Стратегия «мягкой силы» в данных обстоятельствах представляется эффективным инструментом идеологического маневрирования КПК в условиях тотального процесса глобализации и постепенной трансформации китайского общества.

Стоит отметить, что концепция «китайской мечты» имеет политический подтекст. В 2004 г. в рамках политического дискурса КНР появилась теория «Пекинского консенсуса», введенная в научный оборот Джошуа Рамо, которая основывается на идее о том, что Китай готов предоставить миру новую, отличную от либеральной модель ценностей и развития²¹. Если принимать во внимание данную концепцию, то будущая трансформация и развитие теории «мечты» китайского народа в перспективе могут успешно реализоваться. Представляется, что данный сценарий возможен только

при условии, если КНР окончательно решит заявить о себе как о лидере мирового уровня и перевести стратегию «мягкой силы» из «реакционной» в «проактивную» плоскость. Тем не менее пока не приходится говорить о ревизионизме, а концепция «мягкой силы» в полной степени исполняет возложенные на нее руководством страны обязанности.

Китай активно проводит многовекторную политику, направленную на наращивание своей «мягкой силы». Этот процесс не только способствует более успешному лоббированию экономических и политических интересов КНР, но и существенно улучшает ее восприятие в целевых странах, даже в тех, чьи отношения с Китаем традиционно сложны. С течением времени «мягкая сила» в Китае приобрела значение стратегического внешнеполитического ресурса, обладающего практической ценностью. Более того, этот ресурс способствует обеспечению условий для реализации потенциала международного лидерства КНР.

Китай стремится формировать «мягкую силу», учитывая национальную специфику и без нанесения ущерба собственным интересам. Однако реализация стратегической цели построения «могущественного культурного государства» потребует огромных инвестиций, структурных перемен в культурных индустриях, концентрации в этой сфере административных и менеджерских усилий. Кроме того, в КНР на повестке дня стоит не только лишь распространение своей «мягкой силы» за рубеж, но и ее аккумуляция и последующее применение в рамках самого Китая – объекта влияния стран Запада и, безусловно, США. Для достижения этой цели необходимо укрепление «культурного самосознания» китайцев, внушения им гордости за собственную культуру, предложение им привлекательной и конкурентоспособной культурной продукции. Прежде чем китайские ценностные воззрения станут частью «мягкой силы» за пределами страны, «сердцевинные ценности социализма» должны стать эффективным инструментом консолидации китайского общества. На это, в частности, и направлена концепция «китайской мечты», предложенная ныне действующим председателем КНР Си Цзиньпином.

На протяжении своей длительной истории, наполненной философскими течениями, Китай много раз был свидетелем «мягкости» в сфере политики. Однако лишь после того, как Дж. Най ввел термин «мягкая сила» в научный оборот, он получил в КНР широкое применение в сфере внешней политики и, пройдя длительный процесс адаптации к китайским реалиям, стал неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии КНР.

- ¹ *Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1990.
- ² *Алексеев В.М. и др.* Конфуций: Беседы и суждения. СПб.: Кристалл, 1999.
- ³ *Ян Х.* Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М., 1950.
- ⁴ *Сунь-цзы.* Трактат о военном искусстве / Пер. с кит. и исслед. Н.И. Конрада. М.; Л.: Изд-во АН, 1950.
- ⁵ Стратегема 14. Использовать в современной идеологической борьбе старые идеи, традиции, заново интерпретируя их для новейшего использования. *Verstappen S.H.* The Thirty-six Strategies Of Ancient China. San Francisco: China Books and periodicals, 1999. P. 63.
- ⁶ *Bell A.B.* China's New Confucianism: Politics and Everyday Life in a Changing Society. Princeton Univ. Press, 2008.
- ⁷ *Chan J.* Confucian Perfectionism: A Political Philosophy for Modern Times. Princeton Univ. Press, 2013.
- ⁸ *Hershock P.D., Ames R.T.* Confucian cultures of authority. Albany: State Univ. of New York Press, 2006.
- ⁹ *Сунь-цзы.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Ло Гуань-чжун.* Троецарствие: Роман: В 2 т. / Пер. В.А. Панасюка под ред. В.С. Колоколова; подгот. текста, предисл. и коммент. Б.Л. Рифтина. СПб.: Наука, 2014.
- ¹¹ *Hunter A.* Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2. P. 378–379.
- ¹² *Ibid.* P. 379.
- ¹³ *Chan J.* Democracy and Meritocracy: Toward a Confucian Perspective // Journal of Chinese Philosophy. 2007. Vol. 34, № 2. P. 179.
- ¹⁴ 黄硕风 综合国力新论. 北京: 中国社会科学出版社, 1992. 389 页.
- ¹⁵ *Callahan W., Barabantseva E.* China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2011. P. 231.
- ¹⁶ *Cho Young Nam, Jong Ho Jeong.* China's Soft Power: Discussions, Resources, and Prospects // Asian Survey 2008. Vol. 15, № 3. P. 458.
- ¹⁷ *Men J., Barton B.* China's Soft Power: A Blessing or Challenge to World Governance? // Zhenglai D., Sujian G. In China's Search for Good Governance. L.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 179.
- ¹⁸ Мягкая посадка китайской экономики [Электронный ресурс] // Версия. URL: <https://versia.ru/kitajskoe-pravitelstvo-stimuliruet-zamedlenie-tempov-rosta-yeconomiki> (дата обращения: 23.11.2016).
- ¹⁹ Xi Jinping and the Chinese dream [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21577070-vision-chinas-new-president-should-serve-his-people-not-nationalist-state-xi-jinping> (дата обращения: 23.11.2016).

- ²⁰ Стратегема 17. Приманить кого-либо, заставив думать, что он что-либо приобретет, или просто заставить отреагировать на поступок («бросок кирпича») для того, чтобы получить от него нечто ценное взамен («получить нефрит»). *Verstappen S.H.* Op. cit. P. 65.
- ²¹ *Ramo J.* The Beijing Consensus [Электронный ресурс] // The Beijing Consensus. URL: <http://www.xuanju.org/uploadfile/200909/20090918021638239.pdf> (дата обращения: 23.11.2016).